

Елена Евгеньевна Никулина – кандидат искусствоведения, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова (Петрозаводск, Россия),
elena.nikulina@glazunovcons.ru

Elena E. Nikulina – Ph.D. in History of Arts, Associate Professor at the Human and Socio-economic Sciences Department of the Petrozavodsk State Glazunov Conservatoire (Petrozavodsk, Russian Federation),
elena.nikulina@glazunovcons.ru

УДК 783.658+75.046 DOI 10.61908/2413-0486.2018.16.4.38-47

ОБРАЗ СЯТТЕЛЯ ЛАЗАРЯ В УСТНОЙ И ИКОНОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

THE IMAGE OF ST. LAZARUS IN THE ORAL AND ICON-PAINTING TRADITION OF ANCIENT KARELIA. RAISING THE QUESTION

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты, связанные с жанрово-видовыми формами и их взаимопроникновением на примере духовных стихов и икон, посвящённых святителю Лазарю. Особое внимание уделяется вопросу традиций, касающихся дохристианского базиса народной культуры, и основам русского средневекового мировоззрения.

Abstract

The article covers the aspects related to genre-specific forms and their interpenetration through the example of spiritual poems and icons dedicated to St. Lazarus. Particular attention is paid to the issue of traditions related to the pre-Christian basis of folk culture, and to the basics of the Russian medieval worldview.

Ключевые слова: русское средневековое мировоззрение, духовные стихи, иконопись Карелии, святитель Лазарь, притча, сказка, фабула, иконография

Keywords: Russian medieval worldview, spiritual poems, iconography of Karelia, St. Lazarus, parable, fairy tale, plot, iconography

В русской фольклорной традиции образ святителя Лазаря является одной из ключевых фигур. Особенно следует отметить северные регионы, в художественной и песенной практике которых к известному библейскому персонажу обращались довольно часто. Возможно, святой у аборигенного населения ассоциировался с чудом воскресения. Эту версию, хоть и косвенно, подтверждает иконопись окраинных земель Руси, в которой вплоть до середины XVI века образ воскресшего Христа появлялся не столь часто, как, например, в мастерских центра, тогда как образ Лазаря в акте воскресения и выхода из пещеры был известен.

Специфическое мировоззрение северного человека рождалось в контексте суровых жизненных испытаний. Они-то и являлись определяющими в выборе святых. Чтобы жизнь крестьянина протекала без потерь, ему нужны были помощники. Не случайно в круг наиболее почитаемых входили праведники, с именами которых связывались сельскохозяйственные праздники, покровительство природы, поддержка нуждающихся, тема здоровья и т. п. Святитель Лазарь был одним из таких.

Данное обстоятельство нашло яркое отражение в песенном фольклоре и иконописи. По точному определению исследователя А. М. Петрова, «... этот образ чрезвычайно близок по духу русской культуре, а притчеобразный характер евангельского источника возносит образ Лазаря над временной и пространственной конкретикой, обобщает до общечеловеческого масштаба. Это позволяет локализовать притчу в соответствии со спецификой любой национальной традиции» [5, с. 27].

В настоящей публикации на примере образа Лазаря будет предпринята попытка выявления взаимосвязей различных видов искусства и степень их разработанности на художественном материале Древней Карелии.

При изучении песенно-фольклорных источников выяснилось, что в каждом карельском ареале еще в 1960-1980 годы этномузыковедами, фольклористами было обнаружено и зафиксировано немалое количество поэтических и прозаических текстов, посвящённых Лазарю. В этом смысле выделились «особенные» районы – Медвежьегорский и Пудожский.

Данные районы уже в период новгородского завоевания являлись наиболее оперативными в реализации идей, проводимых официальной церковью. К концу XV века ко времени покорения Новгорода Москвой они стали собственностью духовных и светских людей и играли значительную роль в формировании особого культурного фона, равно как и древние языческие традиции этносов, с давних пор проживавших на территории Карелии.

В процессе анализа текстов духовного содержания, посвящённых Лазарю, обнаружилась весьма богатая палитра произведений, соединяющих в себе поэзию, прозу и музыку (в последнем случае имеются в виду напевы) [1].

В основу духовного стиха о Лазаре легла евангельская притча. Однако безымянный автор дополнил её мотивами о милостивой и немилостивой смерти и усложнил притчу, превратив богача и бедняка в родных братьев. Кроме того, в текстах наличествует «излишняя» христианизация. Если в евангельском сюжете сведения о Лазаре слишком скудны: он – безропотный, покорный, бедный, болезненный, то в народном сочинении святой представляется человеком, сознательно обрекшим себя на нищенское существование во имя Бога. Кроме того, его святость приобретает исключительно аксиологический характер, ибо она включает в себя одну из таких коннотаций как бесребреничество.

В продолжение этой мысли следует отметить ещё один непреложный факт, связанный с темой богатства. Испокон века на Руси бедняку симпатизировали, он больше согласовывался с идеалом «правильного человека». Поэтому идея накопления богатства в крестьянской среде могла рассматриваться как грех. По мысли А. М. Петрова, в действие вступал

«принцип компенсации»: «Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» (Лк. 16: 25) [5, с. 27].

В свете вышеизложенного, в объектив внимания попадает текст, записанный от Александры Андреевны Галашиной – жительницы деревни Деригузovo Медвежьегорского района. [1, с. 356–357]. Стих начинается с напева, первая строка которого повторяет традиционную формулу, взятую из сказки: «*Жило было два брата Лазыря...*». Подобная стилизация становится своеобразным маркером, определяющим смылосодержательную сторону произведения, а она явно заключает в себе характер притчи. Поэтому в следующих четырёх строках без какой-либо описательности, указания места и времени даётся основная информация о двух героях, приходящихся друг другу родственниками, но имеющими разное социальное положение. После этого появляется «прозаическое» уточнение исполнительницы: «*Тут надо не стилем петь, а словами просто...*», и диалог между двумя героями возобновляется. В нём Лазарь-богатый отчитывает своего бедного родственника, настаивая на том, что «*Есть у меня братья получше тебя...*» [там же, с. 356]. Заканчивается притча монологом находящегося уже в раю Лазаря-бедного, который в форме упрёка напоминает Лазарю-богатому, о том, как тот его выгнал. В других же текстах с более полным иконографическим вариантом, обнаруживается уточнение, сделанное напоследок Лазарем-бедным: «*Нонче мне-ка, братец, не своя воля*» [там же, с. 384], или «*Воля не моя, воля Божовая*» [там же, с. 431] или «*Дал бы я, братец, да воля не своя ... воля истинного Христа*» [там же, с. 226].

Теперь обратимся к текстам, в которых представлена развёрнутая иконография. Заслуживает внимания произведение «О богатом и убогом Лазаре», записанное из уст знаменитой сказительницы Ирины Андреевны Федосовой.

Повествование начинается с традиционного зачина «*Жили были...*». Далее представляются судьбы героев в контексте временных рамок. Используя приём тоекратного повторения, исполнительница охватывает не только формальную, но и содержательную стороны. В частности, читатель узнает, что Лазарь-бедный

Три годы убогий во гноиши лежал,
Три годы убогой хлеба-соли не едал,
Три годы убогой света бела не видал...
[1, с. 383].

В данном случае вступает в силу категория времени. Если исходить из того, что время в фольклорном тексте не соотносимо со временем обычного повествования и не имеет ничего общего с реалиями жизни, то указание на годы скитаний Лазаря становятся существенным отступлением от привычных правил.

Дальнейшее описание событий выстраивается по принципу оппозиций: бедный просит милостыню – богатый отказывает; бедный молит Бога о помощи – богатый после пира идёт провожать гостей; бедный принимает смерть и возносится на небеса – у богатого внезапно наступает слепота; бедный оказывается в раю – богатый умирает и попадает в ад. И, наконец, богатый на том свете просит о помощи, а бедный в силу непреодолимых обстоятельств не может его поддержать. Такая оппозиционность позволяет дифференцировать героев и наполнить их психологическими характеристиками. Правда, последнее реализуется через причинно-следственное мышление героев, а не их описание.

В линии повествования также есть явные элементы причитания – это сравнения, страдальческие восклицания, обращения. Вот некоторые из них:

Братец ты, братец мой, Лазарь!
Сотвори-тко, братец, мне милостыньку!

...

Господи, Господи, свет милостивый!
Услыш-ко, Господи, моление моё,
Моление моё да Лазарево...

[1, с. 383];

Братец ты, братец, убогой Лазарь,
Сходи-тко ты, братец, ко синю морю,
Принеси-ко, братец, хоть мизеньчиком воды...

[там же, с. 384].

В силу специфики жанровой структуры произведения зрительный ряд – местность, одеяния, пейзаж и т. п. не имеет практически никакого воплощения. В отдельных текстах можно обнаружить некоторые детали, связанные с сословными характеристиками героев: «Он роскошны ясвы ел и пил, Дороги одежды одевал» [там же, с. 406], «Повыше ли плечом, да покрасивее лицом» [там же, с. 426], «Да было у богатого много живота, Да было у богатого два лютых пса» [там же, с. 470]. Но даже в этих фрагментах представлены только обобщённые типы. Устойчивыми формами реализации пространства становятся «чисто поле», «двор», «терем». Первенствующая роль принадлежит «чисту полю», образ которого с древнейших времен наполнялся космогонической семантикой. Вне зависимости от статуса героя и его истинных целей оно становится той *tabula rasa*, которая, занимая нейтральную позицию по отношению к персонажу, даёт старт для реализации любого принятого наверху и внизу решения. В итоге, чисто поле становится местом болезненного поиска истины и получения «по заслугам», которые даёт не кто иной как матушка-земля в содружестве с небесными силами.

Обратимся ещё к одному варианту, исполненному Татьяной Алексеевной Лазаревой из деревни Сигово Пудожского района. Стих о братьях Лазарях представляет собою краткий нерифмованный текст в несколько строк. Фабулу составляют два диалога: первый – двух братьев Лазарей при жизни, второй – Господа Бога и богатого Лазаря на «том» свете. В первом случае богатый

начинает кичиться мешком золота, рассчитывая на скорый откуп перед Богом, в последнем – происходит взвешивание рваной рубахи бедного брата и мешка со златом богатого: «перетягивает» «*потом нажитая... трудовая...*» рубаха бедного. Далее идут поучительные слова Господа о том «*У кого греха больше, дак перетянет*» [1, с. 449].

По мнению исследовательницы М. А. Сердюк: «в тексте волшебной сказки лексема *золотой* реализует значение “царский”, определяя предметы царского быта...» [6, с. 119]. Если учесть, что исполнение духовных стихов имело календарную привязку, носителями их были православные, старообрядцы и пр., не удивительно, что в нём появлялись образы, идущие из народных сказок. В данном случае такая деталь, как мешок с золотом, придавала образу богатого не просто характерность, а ставила его на одну ступень с царствующей особой. Эффект поляризации достигал своего апогея. И в умах слушателей-крестьян не возникало больше никаких сомнений, ибо эта деталь в древнем сознании перекрывала все мыслимые и немыслимые статусные возможности героя.

Таким образом, с определённой долей условности можно утверждать, что, помимо огромного влияния притчи, на формирование образа Лазаря в духовном стихе оказала как народная сказка, так и элементы нравоучительной повести, получившей развитие на Руси к середине XVII века.

Теперь стоит сказать несколько слов об иконописном образе святителя. Одним из наиболее известных произведений является памятник «Воскрешение Лазаря» из деревни Вирма Беломорского района. Он датируется второй половиной XVII века и представляет небольшую доску из сосны, вывезенную в 1964 году экспедицией Музея изобразительных искусств Республики Карелия из церкви Петра и Павла.

Опуская подробности евангельского сюжета и живописно-пластического языка, обращает на себя внимание момент, связанный с передачей специфики северной природы, – это вход в пещеру, по рисунку напоминающий ель (ил. 1).

Не случайно Лазарь был изображён на фоне «входа-ели», возможно, являясь своеобразным проводником в мир мёртвых. Известный религовед В. П. Ершов в статье «Ель – дерево мёртвых» отмечал глубокие и древние традиции почитания у германцев, финно-угров, славян вечнозелёных деревьев какместилища жизненной силы, вечной жизни и бессмертия [2]. Как полагал исследователь северного деревянного зодчества В. А. Крохин, основанием для сакрализации ели было особое расположение ветвей деревьев, имеющих точные интервалы между убывающими ветвями, олицетворявшими идею роста. Низко растущие ветви создавали рощу, в которой легко можно было укрыться для совершения ритуального обряда [4, с. 253]. Пирамидальная форма дерева напоминала двухскатную кровлю дома. Поэтому кладбища в Карелии располагались в еловых рощах, и могила на таком кладбище считалась надёжным домом, скрытым от глаз постороннего.

Одной из областей заимствования подобных моделей была вышивка. Представления древесных мотивов на бордюрах полотенец, подолах рубах или сарафанов: «...были отголосками древних, дохристианских, представлений, связанных с почитанием лесной растительности, особенно хвойных деревьев» [3, с. 215]. Не исключено, что это для изографа послужило наиболее вероятной отправной точкой в реализации темы.



Ил. 1. Воскрешение Лазаря. Вторая половина XVII века.
МИИРК, И-1128. Фрагмент. Общий вид

Исходя из вышеизложенного, следует ещё раз подчеркнуть, что те виды искусства, которые получили наибольшее развитие в северных ареалах, образовывали определенный симбиоз устных и художественных практик, представляющих подчас неоднозначный в научном восприятии материал, существенно расширяющих исследовательское поле. В этом плане произведения, посвященные святителю Лазарю, явились лишь небольшим, но весьма показательным примером.

Литература

1. Духовные стихи Русского Севера / сост. В. П. Кузнецова; сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.
2. Ершов В. П. Ель – дерево мёртвых. URL: ryabinin-2003/102.html.
3. Косменко А. П. Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск: Скандинавия, 2011. 304 с.: ил.
4. Крохин В. А. Язычество, христианство и старообрядчество в древнерусском зодчестве // Кижский вестник: сб. ст. / под ред. И. В. Мельникова, В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. № 12. С. 232–275.
5. Петров А. М. Святые и праведники русских духовных стихов: христианский текст в фольклорном контексте // Федосовские чтения: материалы научно-практич. краевед. конф., посвящённой 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск, 27–28 апреля 2017 г. / сост. и науч. ред. А. С. Лызлова. Петрозаводск: Verso, 2017. 184 с.
6. Сердюк М. А. Своеобразие семантики лексемы «золотой» в фольклорном тексте (на материале волшебной сказки) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 1. С. 117–125.

References

1. *Duhovnye stichi Russkogo Severa* [Spiritual poems of the Russian North]. Compilers V. P. Kuznecova; Compilers of notes appendix G. V. Lobkova, M. N. Sheychenko. Karelian Research Center. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2015. 800 p.
2. Ershov V. P. *El' – derevo mjortvyh* [Spruce – the tree of the dead]. URL: ryabinin-2003/102.html.
3. Kosmenko A. P. *Poslanija iz proshlogo. Tradicionnye ornamenti finnojazychnyh narodov severo-zapadnoj Rossii* [Messages from the past. Traditional ornaments of the Finnish-speaking peoples of northwest Russia]. Petrozavodsk: Skandinavija, 2011. 304 p.

4. Krohin V. A. Jazychestvo, hristianstvo i staroobryadchestvo v drevnerusskom zodchestve [Paganism, Christianity and Old Believers in the old Russian architecture]. *Kizhskij vestnik: sb. st.* [The Kizhi Herald: collection of articles]. Edited by I. V. Mel'nikova, V. P. Kuznecova. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2009. No. 12, pp. 232–275.
5. Petrov A. M. Svjatye i pravedniki russkih duhovnyh stihov: hristianskij tekst v fol'klornom kontekste [Saints and holy men in Russian spiritual poems: Christian text in folklore context]. *Fedosovskie chtenija: materialy nauchno-praktich. kraeved. konf., posvjashhjonnoj 190-letiju so dnja rozhdenija I. A. Fedosovoj. Petrozavodsk, 27–28 aprelja 2017 g.* [Fedosovsky readings: proceedings of the scientific-practical regional conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I. A. Fedosova, Petrozavodsk, April 27–28, 2017]. Compiler and science editor A.S. Lyzlova. Petrozavodsk: Verso, 2017. 184 p.
6. Serdjuk M. A. Svoeobrazie semantiki leksemy “zolotoj” v fol'klornom tekste (na materiale volshebnoj skazki) [The peculiarity of the semantics of the lexical unit “golden” in the folklore text (on the material of a fairy tale)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics. Issue 1]. 2010, pp. 117–125.